

Похоронная культура СССР в 1950–1970-е гг.
на примере г. Москвы

Екатерина С. Галицына

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zurginiqn@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется похоронная культура СССР в 1950–1970-е гг. Автор приходит к выводу, что главной особенностью похоронной инфраструктуры являлась децентрализация, сохранившаяся ещё с 1920-х гг.: родственники были вынуждены решать организационные вопросы своими силами. Это было одной из причин, мешавших эффективной интеграции новых социалистических практик в повседневность граждан. Лишь в конце исследуемого периода, в 1979 г., предпринимаются попытки централизовать сложившуюся систему. Новые гражданские похоронные практики не решили главной проблемы, появившейся ещё в 1920-х гг. – «непонимания, как быть со смертью». Марксистская идеология рассматривала смерть с сугубо научной и материалистической точки зрения, что привело к десемантизации смерти. Похороны перестали эффективно функционировать как ритуал перехода. Новая обрядность не смогла заполнить возникший смысловой вакуум.

Ключевые слова: похоронная культура, похоронные практики, похоронная инфраструктура, ритуалы перехода, СССР в 1950-1970-е гг.

Для цитирования: Галицына Е.С. Похоронная культура СССР в 1950–1970-е гг. на примере г. Москвы // Молодой историк. 2025. № 3. С. 83-103.

Funeral culture of the USSR in the 1950s – 1970s:
the example of Moscow

Ekaterina S. Galitsyna
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zuruvuqu@gmail.com*

Abstract. This article examines the funeral culture of the USSR in the 1950s – 1970s. The author concludes that the main feature of the funeral infrastructure was decentralization, having remained since the 1920s: relatives were forced to resolve organizational issues on their own. This was one of the reasons that prevented the effective integration of new socialist practices into citizens' life. It wasn't until 1979 (this is, at the end of the period under study) that attempts were made to centralize the existing system. New civil funeral practices, however, did not solve the main problem that emerged in the 1920s – “lack of understanding of what to do with death”. Marxist ideology viewed death from a purely scientific and materialistic point of view, which led to the desemantization of death. Funerals ceased to function effectively as a rite of passage. The new rituals could not fill the emerging semantic vacuum.

Keywords: funeral culture, funeral practices, funeral infrastructure, rites of passage, USSR in the 1950s – 1970s.

For citation: Galitsyna, E.S. (2025), “Funeral culture of the USSR in the 1950s – 1970s: the example of Moscow”, *Young Historian*, no. 3, pp. 83-103.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса российских историков к новому для отечественной науки направлению «death studies» (с англ. науки о смерти, исследования смерти). Данные исследования носят междисциплинарный характер, фокусируясь на различных аспектах, связанных со смертью, умиранием, старением и т.д. Впервые термин появляется в 1970-х гг. Ещё в 1970 г. стал издаваться специализированный научный журнал «OMEGA. Journal of Death and Dying».

В том же 1977 г. выпускается журнал, в названии фигурирует данный термин – «Death Studies Journal» [Мохов, Миленина 2021, с. 214–215].

В данный момент направление «death studies» включает в себя огромное количество самых разнообразных тем и проблем. В частности, историческая наука в контексте «death studies» рассматривает особенности похоронных обрядов, а также их изменения и взаимосвязь с другими сферами жизни человека в прошлом.

В 1977 г. выходит книга Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» [Арьес 1992], которая поднимает интерес к теме смерти среди исследователей. Арьес анализирует отношение западноевропейского общества к смерти. Он выделяет пять этапов изменений: «прирученная смерть», «смерть своя», «смерть далекая и близкая», «смерть твоя», «перевернутая смерть». Первые четыре стадии концепции Арьеса активно критиковались.

Пятый этап – «перевернутая смерть» – описывает современные Арьесу процессы. Он наблюдает вытеснение самой идеи смерти и отмечает, что люди начинают вести себя так, будто человек может вообще не умирать или жить неопределенно долго. Эту же тенденцию отмечают современные антропологи, как зарубежные, так и российские.

Под термином «похоронная обрядность» в настоящем исследовании понимается совокупность практик, обычаев, традиций и ритуалов, которые проводят живые для прощания с умершим членом коллектива. Термин «похоронная культура» включает в себя не только обрядность, но и состояние похоронной инфраструктуры.

Ритуалы перехода – это совокупность определенных ритуальных процедур, которые закрепляют важнейшие изменения социального статуса человека (рождение, брак, инициация, смерть) [Глебкин 1998, с. 121]. Такие ритуалы присущи почти всем обществам, часто их смысловое наполнение связано с магическими и религиозными воззрениями. В России до 1917 г. все обряды

перехода функционировали в рамках Русской православной церкви¹.

С приходом к власти большевиков церковь практически сразу отделили от всех государственных структур². С одной стороны, это привело к кризису тех структур, которыми до этого заведовала церковь: так, в 1918–1919 гг. в Москве произошел похоронный кризис, когда людей просто не успевали хоронить [Соколова 2022]. С другой, возникла дискуссия о том, нужны ли советскому человеку новые обряды. Полемика шла в 1920–1930-е гг. и закончилась осуждением любых ритуалов как религиозных пережитков, которые «не нужны сознательным коммунистам» [Глебкин 1998, с. 130].

После смерти И.В. Сталина в 1953 г., а затем и доклада Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС происходит пересмотр опыта предыдущих лет. Идея создания «социалистической обрядности»³ снова стала подниматься в конце 1950-х гг., к середине 1960-х гг. ее активно разрабатывали и внедряли в повседневность советских граждан. В.В. Глебкин так охарактеризовал этот период: «Раньше советский человек существовал в парадигме “вечного настоящего” и был лишён возможности взглянуть на происходящее вокруг него со стороны, не обладал способностью рефлексии... Теперь возникает осознание того, что большой этап жизни советского общества завершён, перед советскими людьми открываются новые дали. По отношению к прошлому появляется ощущение дистанции, а значит, возникает и тема памяти, возникает необходимость особого почитания отдельных моментов этого прошлого» [Глебкин 1998, с. 131].

Таким образом, ко второй половине 1950-х гг. оформляется необходимость отрефлексировать прошлое для лучшего

---

¹ Для представителей других вероисповеданий – в рамках их конфессии.

² Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 371–374.

³ В настоящем исследовании термины «социалистическая обрядность», «новая обрядность», «гражданская обрядность» и «безрелигиозная обрядность» являются синонимичными.

понимания настоящего: страна представлялась как одна громадная стройка, которая, однако, затянулась. Ритуалы перехода как способы сакрализации статусных изменений стали одним из способов этого рефлексирования. Кроме того, к середине 1950-х гг. выросло поколение людей, родившихся после 1917 г. Для них связь между ритуалами, обрядами и религией не была настолько сильной. Схожесть формы была не так важна по сравнению с содержанием.

Идеи, которые легли в основу решения руководства о разработке новой советской обрядности, можно найти в докладе А.Н. Шлепина, первого секретаря ЦК ВЛКСМ⁴. Шлепин поднимает вопрос о создании «своих хороших» обрядов. Он обосновывает это необходимостью увековечения как общего (революция 1917 г., Великая Отечественная война и др.), так и частного (рождение, вручение паспорта, смерть и др.) прошлого в памяти молодежи.

В это же время наблюдается усиление антирелигиозных настроений. Исследователь М.В. Шкаровский выделяет 1958 г. как год «начала атаки на религию» [Шкаровский 1999, с. 363]. Он также пишет: «Своеобразный аспект антирелигиозной кампании обнаружился в феврале 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде. На ней господствовало мнение, что религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих» [Шкаровский 1999, с. 384].

С середины 1960-х гг. государство снова стало активно заниматься вопросами атеистического воспитания. Вместе с этим проблема разработки социалистической обрядности начинает активно обсуждаться на пленумах, съездах партии – они должны были вытеснить религиозные практики из повседневности граждан [Смолкин-Ротрок 2012, с. 434–436].

---

⁴ Шелепин А. Н. Отчетный доклад Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи XIII съезду комсомола. М., 1958. 76 с.

На Пленумах ЦК КПСС 1963 г. ставится задача – убрать религиозные пережитки из быта советских граждан⁵, а в первой половине 1964 г. принимается Постановление Совета министров РСФСР «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» (18 февраля 1964), создается комиссия по внедрению новой социалистической обрядности при Министерстве юстиции СССР и издается приказ министра культуры РСФСР № 194 от 13 марта 1964 г. «О внедрении в быт советских людей гражданских обрядов и безрелигиозных праздников» [Смолкин-Ротрок 2012, с. 449].

В.В. Глебкин характеризует новые гражданские ритуалы следующим образом:

1. Отдельный человек рассматривается как член коллектива, а не как индивидуальная личность. Это утверждается как через активное использование советской символики, так и прямо, через тексты официальных речей и клятв.

2. Структура ритуального действия усложняется и претерпевает существенную трансформацию. Так, например, если в обрядах крещения и «октябрин» 1920-х гг. ведущую роль отдается фигуре крестников (чьи функции на себя взяли представители светских организаций: партии, профсоюзы), то в «звездах» 1960–1970-х гг. такие почетные «родители» являются в большей степени декорацией, чем активными участниками процесса.

3. Эти трансформации стали возможны благодаря практикам, сложившимся в предыдущие десятилетия. Новые ритуалы становятся по своей сути митингами в форме партийного собрания (съезда): обязательное наличие президиума, утверждающего иерархию среди собравшихся, и произносимых там речей; портрет Ленина и символ коллектива, к которому принадлежит виновник торжества (например, знамя завода). Важную роль занимают представители Совета народных депутатов, профсоюза, комсомола [Глебкин 1998, с. 136–140].

---

⁵ Пленум ЦК КПСС. Москва, 18–21 июня 1963 г. Постановление Пленума. Об очередных задачах идеологической работы партии // Печатается по тексту книги: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 18-21 июня 1963 года. Стенографический отчет. М., 1964. С. 359.

Таким образом, отсутствие социалистической обрядности стало осознаваться как проблема с конца 1950-х гг. в рамках усиления антирелигиозной политики государства. Предполагалось заменить религиозные практики новыми гражданскими. Кроме того, общество нуждалось в рефлексировании прошлого, в том числе через ритуалы перехода, которые бы сакрализировали статусные изменения.

Новая обрядность была создана на накопленном опыте предыдущих лет, а именно – традиции митингов, партийных съездов. Религиозная символика заменяется советской. Ритуальные тексты имеют форму партийного доклада, а идентичность человека неразрывно связывается с его статусом гражданина СССР.

В таком контексте происходили изменения похоронной культуры 1950–1970-х гг. В Постановлении от 18 февраля 1964 г. подчеркивается неудовлетворительное состояние как похоронной инфраструктуры, так и обрядов: «Особенно мало проявляется заботы о внедрении ритуалов гражданских похорон. Большинство кладбищ не имеет для этого необходимых условий»⁶. Кроме того, внедрение безрелигиозной похоронной обрядности сталкивалось с моральной дилеммой: как найти компромисс между советской идеологией и желанием близких родственников провести «похороны с попом»? Даже те, кто занимался непосредственно пропагандой атеизма, не могли прийти к единому мнению [Смолкин-Ротрок 2012, с. 438–439].

Этнограф А. ван Геннеп и социолог Р. Герц характеризуют похоронные ритуалы как ритуалы перехода и адаптации к травме, которые нужны для пересборки коллектива после утраты одного из членов; он закрепляет изменения статусов не только умерших, но и живых [Геннеп 2002; Герц 2019]. Православный погребальный обряд эффективно справлялся с этими функциями. От предсмертной исповеди до поминок – все было регламентировано и наполнено смыслами, которые помогали людям пережить потерю близких.

---

⁶ Постановление Совета Министров РСФСР. О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов. 18 февраля 1964 г. № 203 // Собрание постановлений правительства РСФСР за 1964 г. № 1-23. М., 1965. С. 42.

В рамках марксистского мировоззрения человек рассматривался с точки зрения естественно-научного знания. Смерть – всего лишь разложение органического тела. Единственное, что может оставить человек после себя – это некий жизненный принцип, наследие, которое переживет последующие поколения⁷. При таком подходе обряд похорон утрачивает смысл. С этой точки зрения неудивительно, почему при всей антирелигиозной пропаганде многие люди выбирали традиционное православное погребение как ритуал перехода, эффективно справляющийся с функциями адаптации к травме утраты.

Вопрос похоронного администрирования регулировался следующими документами: Декретом СНК «О кладбищах и похоронах» (1918), а также «Санитарными правилами по устройству и содержанию кладбищ» 1948 г., 1960 г. и 1977 г. Применительно к Москве 1920–1930-х гг. из-за Декрета 1918 г., который отменил церковное регулирование данной системы и не создал четкого алгоритма работы взамен, и возникшего похоронного кризиса решение возникающих проблем ложилось на разные органы, создавались новые подотделы, а затем расформировывались [Соколова 2019]. После войны относительно регулярно издавали новые санитарные правила, однако они решали только проблемы, связанные с организацией кладбища. Новые правила дополняли и уточняли предыдущие, кардинальных изменений в них почти не было. С.В. Мохов считает, что это связано с необходимостью чиновникам «снова и снова повторять элементарные санитарные правила организации мест захоронений, которые в европейских странах были приняты более сотни лет назад» [Мохов 2018, с. 242].

Практически сразу после Октябрьской революции появились первые планы реконструкции Москвы. В них уже тогда уделялось внимание сохранению зеленой зоны для отдыха и досуга горожан. В 1920-е гг. популяризируется кремация. Ее, в том числе, рассматривают как перспективный способ решения земельной нехватки: больше не придется выделять территории под новые кладбища, а уже существующие можно будет превратить в

---

⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 610–611.

рекреационные зеленые пространства [Соколова 2019, с. 612]. Эта идея получила отражение в правилах 1948 г.

В санитарных правилах 1948 г. впервые появляется формулировка, которая сохранится в тексте в последующие годы: «Местоположение кладбищенского участка и его размеры предусматриваются планировкой городов и рабочих поселков с учетом возможности использования территории кладбища после его закрытия под парк или сад общественного пользования» (1948 г. – п. 2, 1960 г. – п. 2, 1977 г. – п. 1.4).

Все санитарные правила требовали разработки детального проекта кладбища, который в обязательном порядке должен был включать специальные здания и сооружения: сторожку, водопровод, специальное здание для предпохоронного сохранения трупов, цветочный магазин, общественную уборную, ограждение, стоянку для транспорта; благоустроенные пешеходные дорожки, зеленые насаждения (не менее 20% всей площади).

Кладбищ, открывшихся в Москве в исследуемый период, относительно немного. Их планы соответствуют перечисленным выше требованиям. В условиях земельной нехватки, о которой писалось ранее, территории, отводимые под кладбища, четко фиксировались; появление стихийного кладбища, характерного для небольших городов и сельской местности [Мохов 2020, с. 88–89], было невозможно. Из этого факта администрирование, а вслед за ним и провинциальная обрядность, будут иметь свои специфические особенности.

Вопросы кто, где, когда и как может и должен проводить похороны до 1979 г. не регулировались централизованно. В 1979 г. Министерство ЖКХ РСФСР утверждает инструкцию «О порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР»⁸. В ней подробно фиксируется, как должны проходить похороны в зависимости от места нахождения тела и заказчика; в том числе приводятся примеры речей.

Согласно инструкции 1979 г., вопросами организации похорон занимается салон-магазин специализированного коммунального обслуживания. Магазин оформляет свидетельства о

---

⁸ Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР. М., 1980. 65 с.

смерти, документы на отвод участка для захоронения (или на нишу в колумбарии), а также осуществляет продажу похоронных принадлежностей, предоставляет автокатафалк и пассажирский транспорт, обеспечивает проведение самой траурной церемонии и др. Таким образом, вопросы, связанные с похоронами, решаются в одном месте.

Важными сотрудниками салона-магазина являются агент похоронной службы и организатор похорон, иногда один и тот же человек может выступать в обеих ролях. Агент обеспечивает подготовку ко дню похорон. Именно он собирает необходимые документы для оформления свидетельства о смерти, выясняет пожелания умершего (при наличии завещания) или его близких, согласовывает договор об оказании услуг. Организатор работает непосредственно в день похорон и следит за тем, чтобы все прошло согласно утвержденному ранее договору.

Еще с 1920-х гг. одной из главных проблем похоронной системы была ее децентрализованность: родственникам приходилось самим разбираться с документами, организацией похорон, поиском катафалка, гроба и др. [Соколова 2019, с. 616]. Данная тенденция сохранялась и в исследуемый период. Это можно проследить в воспоминаниях современников:

«Есть только чувство усталости хлопотами и озабоченность последующими хлопотами, связанными с похоронами. А они сейчас очень сложны. Достать гроб – это целой тяжелое предприятие»⁹.

«Забрав гроб и венки мы, на заказанной еще вчера автомашине, поехали в больницу на Соколиной горе. Приехали – наших там нет. Они подъехали позже. Оказалось, что они заблудились и поехали в обратную сторону»¹⁰.

«Никто не хочет давать справку о смерти – ни районная поликлиника, ни больница, где лежал Петрович. Пришлось вызывать участкового представителя милиции, который составил протокол осмотра трупа и направил тело в морг. Только к трем

---

⁹ Борис Воронский. 12 марта 1963 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292333> (дата обращения: 10.06.2025)

¹⁰ Борис Воронский. 14 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292892> (дата обращения: 10.06.2025)

часам дня приехали рабочие из морга, которые не хотели брать тело без справки, но, наконец, согласились. Вероятно, не мало будет хлопот и с кладбищем. Тата хочет похоронить его на Даниловском кладбище, где покоится ее мать, но это, вероятно, будет не легко, т.к. прошло только 19 лет со дня смерти матери Таты, а требуется 20-летний срок»¹¹.

В Инструкции была предпринята попытка решения этой проблемы за счет строгой регламентации работы ритуальных бюро (они же салоны-магазины) и введения новой должности – «агента похоронной службы». Однако исследования А.Д. Соколовой [Соколова 2013] и В. Смолкин-Ротрок [Смолкин-Ротрок 2012] показывают, что и до, и после этого в разных регионах страны родственникам приходилось брать на себя решение вопросов, которым должны были заниматься похоронный агент и организатор. Оба автора отметили, что проблема была характерна не только для сельской местности, но и городов.

В исследуемый период в Москве одновременно работал только один крематорий. Донской крематорий был открыт в 1927 г., но с появлением Николо-Архангельского (в Балашихе) с 1973 г., когда он был введен в эксплуатацию (также известный как Второй московский крематорий, Никольский крематорий), Донской стал использоваться для кремации тел членов высшего партийного руководства, а Никольский крематорий был ориентирован на простых советских граждан:

«Московский крематорий закрыт, и кремация производится теперь в новом крематории в с. Никольском около Салтыковки. Новый крематорий представляет собой солидное здание с тремя отсеками. Отсутствие труб говорит о том, что кремация проводится электричеством»¹².

На уровне СССР или РСФСР работа крематориев не регулировалась. В документах, изученных в ходе исследования, лишь косвенно освещены некоторые аспекты работы крематориев. Так, упомянутые ранее санитарные правила регулировали

---

¹¹ Борис Воронский. 10 апреля 1966 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/565920> (дата обращения: 10.06.2025)

¹² Борис Воронский. 1 августа 1973 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/293542> (дата обращения: 10.06.2025)

устройство кладбища, в том числе и при крематории. В 1964 г. утверждаются подробные правила по устройству и эксплуатации помещений патологоанатомических отделений и моргов¹³, которые в том числе применимы к местам временного хранения тел умерших при кладбищах, зданиях траурных гражданских обрядов, крематориях. В инструкции 1979 г. подробно описывается порядок проведения похоронной церемонии и захоронения урны с прахом, но не собственно деятельность крематория.

Проблема кремации в 1920–1930-х гг. пользуется интересом в научном сообществе и исследована довольно подробно. Для понимания функционирования крематория в то время привлекаются дневники людей, агитационные материалы, публикации в газетах; ссылок на нормативные документы, регулирующих его работу, не обнаруживается. Возможно, из-за небольшого количества крематориев (к моменту распада СССР действовало всего 5) их деятельность контролировалась на локальном уровне и государство не видело потребности в создании общесоюзных санитарных правил [Мохов 2018, с. 230].

Цена кремации вместе с похоронными принадлежностями и оркестром варьировалась в диапазоне 30–45 руб., в то время как классические похороны обходились гораздо дороже: от 60–100 руб. (гроб, могила, транспорт, поминки и т.п.) без учета памятника, чья стоимость в зависимости от региона и материала не была меньше 100 руб.¹⁴ Часто из-за необходимости сократить расходы или дефицита памятник делали из подручных материалов¹⁵.

Тем не менее кремация так и не стала популярной, несмотря на попытку популяризировать ее снова в 1970-х гг. С.В. Мохов связывает это с Великой Отечественной войной: у государства не было денег на строительство крематориев, а сама кремация стала

---

¹³ Минздрав СССР: Правила № 468-64 от 20.03.1964

¹⁴ Борис Воронский. 15 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292893> (дата обращения: 10.06.2025); Борис Воронский. 6 февраля 1968 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/569201> (дата обращения: 10.06.2025); Борис Воронский. 27 мая 1969 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/293242> (дата обращения: 10.06.2025)

¹⁵ Мохов С.В. Рождение... С. 229.

плотно ассоциироваться с печами концентрационных лагерей [Мохов 2018, с. 229–230]¹⁶.

Таким образом, похоронная инфраструктура в столице функционировала недостаточно эффективно. Родственникам приходилось самостоятельно заниматься организацией похорон: от получения всех необходимых документов до самостоятельного изготовления похоронных атрибутов. Санитарные правила, которые издавались в этот период, регулировали только вопросы эксплуатации кладбища. Лишь в 1979 г. Министерством жилищно-коммунального хозяйства РСФСР издается инструкция, в которой предпринимаются попытки централизации похоронной инфраструктуры.

Децентрализованное состояние похоронной индустрии привело к тому, что у государства не было эффективных путей внедрения новой обрядности, кроме как обсуждения данных тем в рамках кампании по атеистическому воспитанию. В том числе поэтому в инструкции 1979 г. появляются новые должности, которые должны были не только брать на себя все организационные вопросы, но и пропагандировать гражданские похороны и кремацию. Инструкция ориентирует работников коммунального хозяйства заниматься пропагандой кремации, а для агентов похоронной службы, организаторов похорон и сотрудников салонов-магазинов это является обязанностью (пункты 1.5, 1.7 подпункт «г», 1.9, 1.15).

В самой инструкции религиозные обряды не упоминаются, но на возможность их проведения указывают пункты 1.7 (подпункт «к»), 1.19 (подпункты «ж»). Во всех этих случаях говорится об обязанности предоставления автокатафалка для перевозки гроба с телом в перечень разных мест, в который входят и «культовые здания». На возможность проведения религиозного похоронного обряда косвенно намекают формулировки, в которых предполагается принятие во внимание пожеланий близких умершего (1.14) и особенностей национальных обычаев (1.4). Кроме того, санитарные правила 1977 г. предусматривают

---

¹⁶ Мохов С.В. Там же. С. 229–230.

возможность захоронения умершего в сидячем положении – в частности, такая практика характерна для мусульман.

Предполагается, что агент похоронной службы должен уметь помочь близким умершего не только в оформлении документации, но и в консультировании по вопросам траурного убранства: например, как лучше поставить гроб и его крышку, во что нарядить покойника, в какой одежде быть на похоронах. Интересно, что в активном пропагандировании безрелигиозной обрядности, в пункте 1.16 есть интересное замечание об обязанностях похоронного агента: он должен, при необходимости, уметь посоветовать, какими тканями закрыть зеркала и картины.

Похороны также могут проходить из морга. В таком случае родственники и близкие сначала заходят в зал прощания при морге, который, однако, частью обряда не является: помещение соответствующе не украшается, траурный митинг не проводится. Фактически, родственники просто наблюдают за тем, как гроб с телом выносят и помещают в автокатафалк.

Важной частью гражданских похорон являются ордена и медали покойного, которые следует выносить на специальной подушечке. Также процесс должен сопровождаться траурной музыкой, которую либо играет оркестр, либо воспроизводят через магнитофон.

Инструкция 1979 г. предполагает два варианта похоронного обряда: на кладбище и в здании траурных гражданских обрядов или крематории. На кладбище проводится траурное шествие, которое возглавляет организатор похорон, а за ним – люди, несущие венки, портрет, награды и сам гроб. Замыкают процессию близкие умершего, а при наличии оркестра замыкает он.

Организатор похорон открывает траурный митинг и предоставляет слово тем, кто хочет выступить. Если желающих нет, организатор должен произнести речь на основе «Кратких сведений об умершем (умершей)» – документ, который заранее составляет похоронный агент. Завершает митинг следующими словами: «Гражданин Союза Советских Социалистических Республик (называет фамилию, имя и отчество покойного) закончил свой жизненный путь. Пусть добрая, светлая память о нем сохранится в

наших сердцах на долгие годы». Сохраняется традиция бросать в могилу горсть земли.

Похороны в здании траурных гражданских обрядов (ЗТГО) и крематории, сохраняя основные атрибуты обряда (венки, награды, портрет, музыка, гроб с умершим и др.), в большей степени принимает форму митинга или съезда. Людей провожают в зал и рассаживаются по местам, выставляют почетный караул у гроба. Процессом руководит не организатор похорон¹⁷, а руководитель ритуала – сотрудник ЗТГО, крематория. Церемония прощания проходит без особых изменений: вступительное слово, речь желающих выступить (или руководителя ритуала на основе «Кратких сведений об умершем (умершей)»), заключительное слово. Но в отличие от траурного митинга на кладбище приводится конкретный пример вступительной речи. После завершения церемонии прощания гроб с телом умершего либо везут на кладбище, где уже не происходит траурный митинг, только «минута молчания», либо оставляют для кремации.

С пункта 2.42 по пункт 2.54 включительно описывается процесс захоронения или установление в колумбарии урны с прахом, который не сопровождается обрядом. Не упоминается и то, что процесс следует проводить по аналогии с захоронением гроба с телом. Можно предположить, что церемонию прощания до кремации видели основной частью похоронного ритуала, поэтому непосредственно сам процесс захоронения (установления в колумбарий) урны не предполагал создания государством дополнительного обряда.

После похорон традиционно проводили поминки. Изначально религиозный обряд удачно интегрировался в атеистическую обрядность. Из воспоминаний современников:

«После похорон были устроены традиционные поминки. Собралось свыше 30 человек. Поминки были устроены на квартире у знакомых»¹⁸.

---

¹⁷ Организатор похорон осуществляет перемещение от дома/морга до ЗТГО/крематория и от ЗТГО до кладбища.

¹⁸ Борис Воронский. 15 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292893> (дата обращения: 10.06.2025)

«А затем мы отправились к нему на квартиру, где были организованы скромные поминки, которые отвлекли присутствующих от мрачных мыслей и настроили их на более мажорный лад»¹⁹.

«Были скромные поминки, на которых разговор вертелся вокруг собственных дел, и о покойнице почти не вспоминали»²⁰.

Государство четко фиксирует обряд гражданских похорон. В теории такая регламентированность должна была помочь родственникам и близким умершего избежать состояния «растерянности» со смертью: когда и индивид, и коллектив не знают, как адаптироваться к травме. Однако, кроме регламентированности, ритуал перехода также должен нести в себе смыслы, которые помогли бы людям пережить утрату близких.

Справился ли с этим новый обряд?

Гражданские похороны строились вокруг идентичности человека как гражданина СССР и, соответственно, как трудящегося. Но что делать в случаях, когда личность человека не вписывается в стандартизированный формат «Кратких сведений об умершем (умершей)»? Когда идентичность человека не была связана с его работой или общественной деятельностью? Если у него мало или нет наград, которых можно было бы вынести на специальной подушечке? Инструкция 1979 г. не предполагала сценариев для таких случаев.

Воспоминания современников свидетельствуют о смысловой пустоте, которую не может заполнить гражданский похоронный обряд:

«Речи на гражданской панихиде говорили долгие, большинство их было просто холодными, или искусственно, но неискусно подогретыми»²¹.

«2-го марта были похороны. Сегодня неделя её смерти и я пишу об этом, как об одном из событий жизни. И теперь пойдут

---

¹⁹ Борис Воронский. 3 января 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292968> (дата обращения: 10.06.2025)

²⁰ Борис Воронский. 27 мая 1969 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/293243> (дата обращения: 10.06.2025)

²¹ Сергей Дмитриев. 10 марта 1950 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/40094> (дата обращения: 11.06.2025).

дни без Ольги. Они пойдут быстро, быстро, дела закрутят людей, и они будут вспоминать об Ольге всё реже и реже. Таков жестокий закон жизни. Таков удел живых»²².

«Началась тягостная церемония гражданской панихиды. <...> Сердечнее других, менее шаблонно и мягче сказали Огрызко, заплакавшая при последних словах своей умной и ясной прощальной речи, и студент Рознотовский»²³. «На похоронах присутствовали Дубовик, Столяр, Чайковский, а также много неизвестного мне народа. Были цветы, венки и прочая погребальная бутафория. Говорились речи, вообще, все было в соответствии с намечающимся узаконенным шаблонным трафаретом, которому не хватает той торжественности и стройности, которая присуща церковному погребению. <...> Прощай, друг, в сердцах знающих тебя, ты будешь жить, а дальше... дальше вряд ли»²⁴.

«Венка мы решили не брать – слишком шаблонны эти металлические венки, которые, к тому-же, сразу выбрасывают во время кремации. Решили купить живые цветы, которые уйдут в небытие вместе с Петром»²⁵.

Шаблон похорон не был наполнен смыслом, помогающим адаптироваться к потере близкого. Он приводил к ощущению неискренности и качественно не решал проблему посмертия. С точки зрения марксизма после смерти человеческое тело будет лишь разлагаться, и только особенные, выдающиеся люди смогут оставить после себя жизненный принцип, который продолжит существовать сквозь поколения.

Но простые люди не могут этого достигнуть. Раньше православная традиция давала обычному человеку понимание, что происходит с его близким (теологическое представление о посмертии), таким образом давая умершему конкретное место в

---

²² Нина Покровская. 5 марта 1951 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/320692> (дата обращения: 11.06.2025).

²³ Сергей Дмитриев. 1 марта 1960 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/802375> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁴ Борис Воронский. 15 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292893> (дата обращения: 10.06.2025).

²⁵ Борис Воронский. 6 февраля 1968 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/569201> (дата обращения: 10.06.2025).

мировосприятии коллектива, и регулирует процесс проживания горя (поминки). Теперь, столкнувшись со смертью, люди отчетливо ощущают, как быстро память об их близком исчезает; и это же случится с ними. Механизм адаптации работает неэффективно: умерший человек не получает новый статус, становясь частью системы, а забывается, вычеркивается из нее.

Можно предположить, что одной из причин непопулярности кремации, появившейся в стране относительно недавно, было отсутствие смыслов, которые могли бы эффективно осуществлять функции ритуала перехода.

Таким образом, состояние «непонимания, как быть со смертью» перед смертью, возникшее в 1920-х гг., сохранялось и на протяжении 1950–1970-х гг. Попытка советской власти разработать и внедрить гражданские похороны не принесла успеха. В дневниках людей, разделявших государственную идеологию или просто не верящих в бога, встречается та самая «растерянность» перед смертью; они не могут заполнить возникающий смысловой вакуум.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Аръес 1992 – *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
- Геннеп 2002 – *Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
- Герц 2019 – *Герц Р.* Смерть и правая рука. М.: ARS Press, 2019. 264 с.
- Глебкин 1998 – *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.
- Мохов 2018 – *Мохов С.В.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 359 с.
- Мохов 2021 – *Мохов С.В.* Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Common place, 2021. 192 с.
- Мохов, Миленина 2021 – *Мохов С.В., Миленина Д.А.* Death Studies: особенности формирования дисциплинарного поля // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 2. С. 212–253.

- Смолкин-Ротрок 2012 – *Смолкин-Ротрок В.* Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4. С. 430–463.
- Соколова 2013 – *Соколова А.Д.* Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI веке (на материалах Владимирской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 48 с.
- Соколова 2019 – *Соколова А.Д.* В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 594–621.
- Соколова 2022 – *Соколова А.Д.* Частные похороны в СССР: от инфраструктуры к низовому регулированию и практикам самообеспечения // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 77–88.
- Шкаровский 1999 – *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М.: Крутицкое подворье, 1999. 400 с.

REFERENCES

-
- Ariès, P. (1992), *Chelovek pered licom smerti* [The Hour of Our Death], Progress-Akademiya, Moscow, Russia.
- Genner, A. (2002), *Obrjady perehoda. Sistematicheskoe izuchenie obrjadov* [The Rites of Passage. A systematic study of rites], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Gertz, R. (2019), *Smert' i pravaja ruka* [Death and the Right Hand], ARS Press, Moscow, Russia.
- Gleбкин, V.V. (1998), *Ritual v sovetskoj kul'ture* [Ritual in Soviet culture], Janus-K, Moscow, Russia.
- Mokhov, S.V. (2018), *Rozhdenie i smert' poboronnoj industrii: ot srednevekovykh pogostov do cifrovogo bessmertija* [Birth and death of the funeral industry: from medieval graveyards to digital immortality], Common place, Moscow, Russia.

- Mokhov, S.V. (2021), *Arheologija russkoj smerti. Jetnografija pohoronnogo dela v sovremennoj Rossii* [Archeology of Russian death. Ethnography of funeral business in modern Russia], Common place, Moscow, Russia.
- Mokhov, S.V., Milenina, D.A. (2021), “Death Studies: Features of the Formation of a Disciplinary Field”, *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. 24, no. 2, pp. 212–235.
- Smolkin-Rotrok, V. (2012), “The Problem of ‘Ordinary’ Soviet Death: The Material and the Spiritual in Atheistic Cosmology”, *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3–4, pp. 430–463.
- Sokolova, A.D. (2019), *Transformatsii pokhoronnoi obryadnosti u russkikh v XX–XXI veke (na materialakh Vladimirskei oblasti)* [Transformations of Funeral Rituals among Russians in the 20th–21st Centuries (based on materials from the Vladimir Region)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, Russia.
- Sokolova, A.D. (2019), “In the Struggle for Equal Burial: Funeral Administration in the Early USSR”, *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 37, no. 1–2, pp. 594–621.
- Sokolova, A.D. (2022), “Private funerals in the USSR: from infrastructure to grassroots regulation and self-sufficiency practices”, *Vestnik antropologii*, no. 3, pp. 77–88.
- Shkarovsky, M.V. (1999), *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pri Staline i Hrushchve: gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenija v SSSR v 1939–1964 gg.* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: state-church relations in the USSR in 1939–1964], Krutitsy courtyard, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина С. Галицына, студент бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; zuruvuqu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Galitsyna, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; zuruvuqu@gmail.com